

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ СЕРГЕЯ МЕЙТУВА

Наталья Жигулина

В январе этого года в одном из небольших залов художественного пространства Винзавода открылась выставка московского художника Сергея Мейтува.

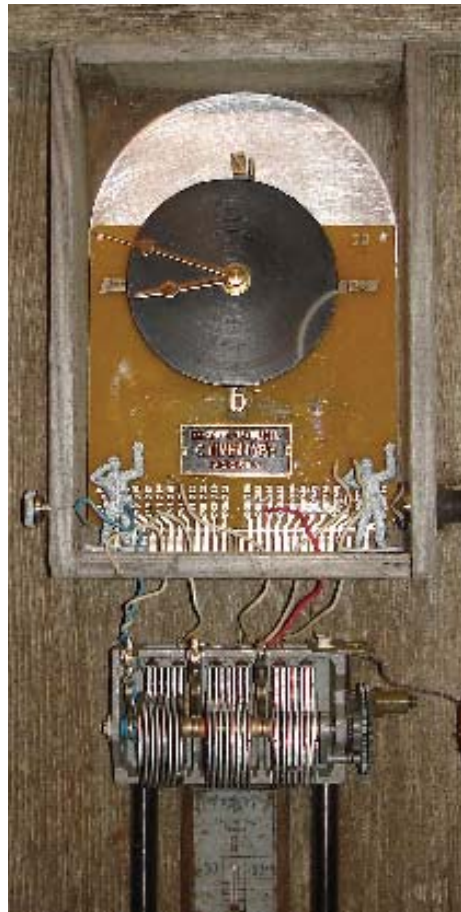
Время совсем не случайно стало главным действующим лицом многих инсталляций Сергея: ему, может быть как никому другому, известен секрет управления этой сложной физической субстанцией.

Все привычные параметры, которыми из века в век люди измеряют временную категорию существования, неожиданно перестают быть верными в присутствии этого улыбчивого человека. Час, тот, который в обычном измерении длится 60 минут, рядом с Сергеем пролетает за мгновение, а несколько часов, проведенных за слушанием его фантастических рассказов, – это реальная временная воронка, когда, забежав к нему на часик после работы, обнаруживаешь, что на дворе глубокая ночь, «троллейбусы не ходят, метро закрыто, такси не содют». Впервые эти странно нереальные отношения Сергея со временем заметили члены тесного братства людей – тех, чья молодость связана с Коктебелем, с его тайным миром, овеянным легендами и людьми Серебряного века. Поэты и художники, когда-то согретье и вдохновленные Максимилианом Волошиным, находили здесь не только приют и кров

среди залитой кровью страны, но и особую атмосферу, созданную в равной степени божественной природой, душой и волей миро-творца Волошина. Те люди ушли, исчерпав отведенное им время земного бытия, но место у подножья скалистого Кара-Дага чудесным образом сохранило их присутствие. Оно явственно ощущалось в шепоте деревьев старого парка, окружавшего дом Мастера, на солнечных гористых улочках поселка, в маленьких каменных бухтах, изрезавших побережье гор, в тенистых двориках, где по вечерам за столами с виноградным вином и нехитрой закуской продолжали собираться молодые и веселые люди. Здесь они читали свои стихи и стихи тех, кто любил эту землю когда-то, здесь писали картины, изящно и непринужденно повествовали о разном, делились умным, почерпнутым из книг, обретенных за долгую, северную московско-питерскую зиму. Здесь, конечно же, дружили, влюблялись и любили, соединялись на ночь или на целую жизнь и находили близость особого рода – ни с чем не сравнимое родство духа, перед которым отступало время, превращаясь в коктебельском царстве в малозначимую физическую единицу.

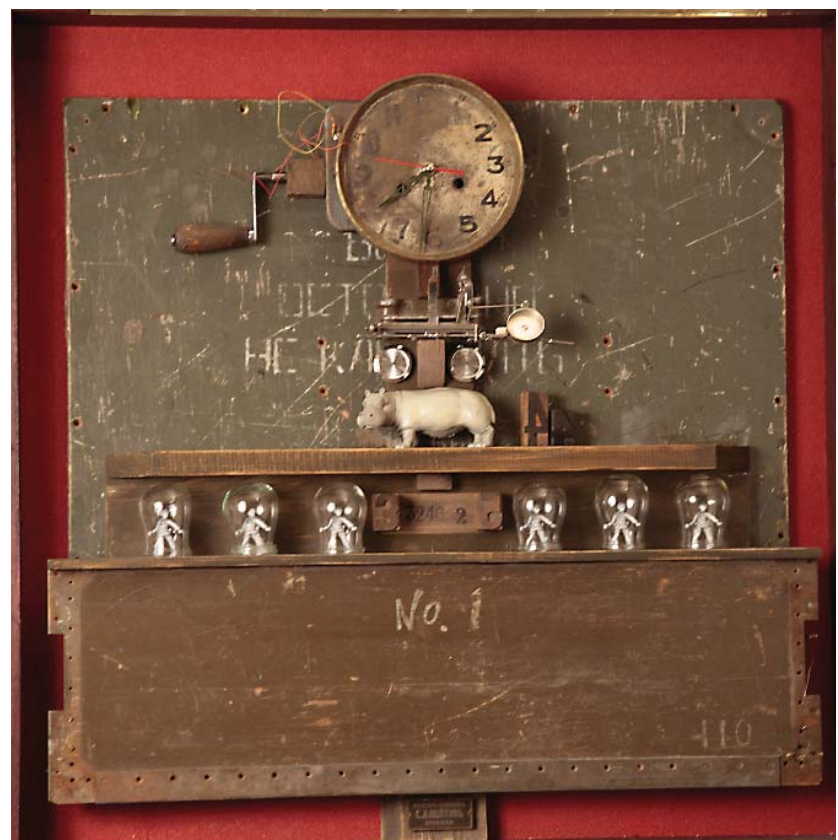
Это не было печальным безвременьем, столь тягостным и душающим в ненавидимом мире длинных речей и дряхлых вождей, с тяжелой одышкой взбирающихся на трибуну Мавзолея. Нет, то была упоительная, пьянящая независимость от всего несправедливого, надуманного и навязанного сверху, и стражи Коктебеля бережно охраняли созданный когда-то миропорядок, где правили вечный бал творческий порыв, свобода мыслей и деяний.

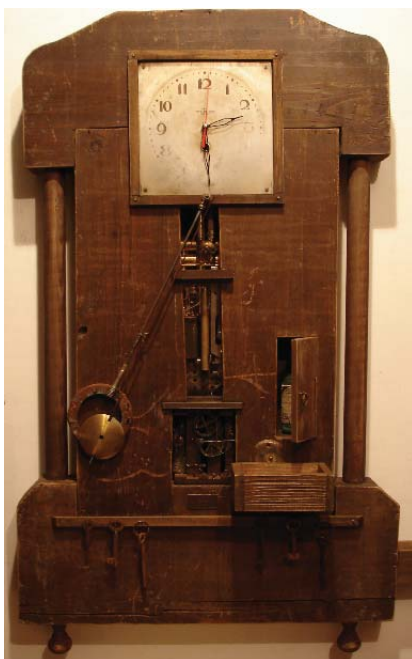
Особенно остро это ощущалось в маленькой комнатенке на улице Серова – там квартировал Сережа Мейтув, архитектор по образованию, художник по призванию, а по жизни – бродяга, искатель приключений, покоритель пространств, времен и, конечно, самых красивых девушек. Он только что вернулся из Сибири и вечерами за ужином рассказывал друзьям о

Время падения

Караул

Домик часовщика

Час чайной церемонии

своим невероятном одиночном плавании по тайге. Кажется именно тогда в отсутствии часов, которые остановились, нахлебавшись воды таежной речки, и компаса, который утонул вместе с провиантом в той же реке, интеллигентный московский мальчик смог пересмотреть многие, еще недавно незыблемые, представления. Он как дважды два узнал, что такое остановившееся время или бесконечное время, и научился управлять им, обманывать его или просто игнорировать. В те двадцать

летних дней 84 года, что он блуждал по дремучим лесам, его физическое существование перестало зависеть от времени, определяясь совершенно другими обстоятельствами и категориями, более относящимися к сфере метафизики. Но, ежевечерне слушая в кокетельской холупке его рассказы «с продолжением», мы задыхались от смеси ужаса и восторга, отчетливо представляя себе, чем могла закончиться эта прогулка. Вот тут впервые и было замечено странные превращения и смещения временных координат в присутствии Сережи. Время, действительно, умело останавливаться, замирать и мгновенно пролетать, унося за собой кажущиеся такими длинными летние вечера и бесконечно растягивать безмерно короткие крымские ночи. Тикающие приборы со стрелками превращались на глазах в артефакты, а само время покорно ожидало, когда человек, сидящий на табурете посреди комнаты под светом 100-ваттной лампочки, даст ему отмашку. На следующий же день в одно и тоже время, без опозданий, свежий, отдохнувший и как всегда благожелательный и открытый миру человек вынимал из планшета и раскладывал перед столовой Дома творчества писате-

лей изящные, очень тонкие акварели. В них нескрываяемо прочитывались любовь к киммерийской земле и старинной японской миниатюре, а еще – незаметный поклон в сторону солнцеподобного творца, под покровительством которого Сережа Мейтув научился так непринужденно играючи обретать и создавать свой мир и свое время. Впрочем, это только моя версия, наверняка Сергей рассказал бы вам какую-нибудь захватывающую историю – у него их собралось великое множество. Двадцать лет назад для этого ему нужны были акварельные краски и кисточки, теперь – совсем другие предметы. Но важно ли это, по сути, для вечности? Что есть время? Посмотрите на работы Мастера и найдите свои ответы на этот вечный вопрос.

Когда я был китайцем

Домашний музей

Признание

Больше шоколадных конфет я любил в детстве коробки из-под шоколадных конфет. Годились также коробки из-под вафель. Лучше большие, чем маленькие. И лучше чистые, чем иные. Шоколадная грязь где-нибудь в уголке могла испортить все дело. Родители знали про эту мою страсть, и если такая коробка имелась в доме, смело оставляли меня одного в квартире на 3-4 часа. Было необходимо кое-что еще. Например, пустые спичечные коробки, деревянные пробки, карандаши, засохшие ластик, нитки, бумага, ножницы и, конечно, клей. Стоп. Кажется, я полностью себя обнаружил. И теперь, зная все, вы сможете безнаказанно наслаждаться, как это делал я в 1960 году. И еще несколько лет до самой школы. Господи, ведь совершенно невозможно объяснить теперь, что это было за наслаждение. С виду все просто: я склоняюсь над коробкой и смотрю в нее не мигая. От радостного и упорного напряжения набегают слезы. Продолжаю не мигать, и вот... – я, кстати, называл это «ИЗОБРЕТАТЬ» – ... сами собой появляются структуры. Тогда, конечно, я называл их по-другому. Как, не помню. Помню, конечно, но... жалко все-все рассказы-

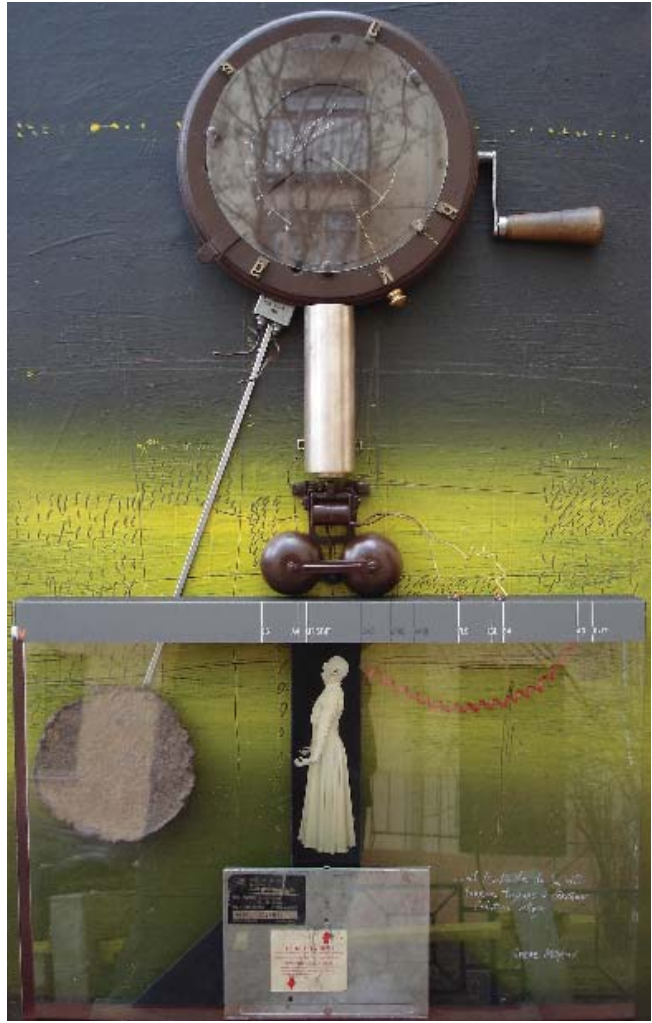

Завтрак в Монте-Карло

Самый неожиданный предмет может послужить поводом для новой работы. Вот здесь таким поводом стала настоящая цирковая булава, подаренная мне старым циркачом-жонглером в городке Глендейл штата Луизианна. Предмет был настолько теплым и живым, что тут же притянул к себе других действующих лиц. Маленькую рулетку, например, и еще десяток неведомых осколков бытия. Фрагменты часового механизма соединили их.

Четкие, ритмически выстроенные композиции обнаруживались в слезе и требовали заполнения. Я клеил. Три карандаша – спичечная коробка – карандаш – пучки цветных толстых ниток – полоски бумаги... Одновременно, со всех четырех сторон коробки-сцены, двигались навстречу друг к другу части нового прибора. Я шел от углов к центру и ждал красивого сцепления частей. Идея была такая: все ПРАВИЛЬНОЕ работает. Должно как-то работать. Если соединено (изобретено) правильно, – оно заработает!.. Из кино возвращались родители и видели мой затылок, неподвижный напряженный затылок. Слышали дыхание: я вглядывался в готовый «прибор». Что не так? Почему не едет? Почему не происходит то, что должно? Кажется, все на месте. Все очень плотно и четко. Есть красота. Я вижу – красота есть! Приборы накап-

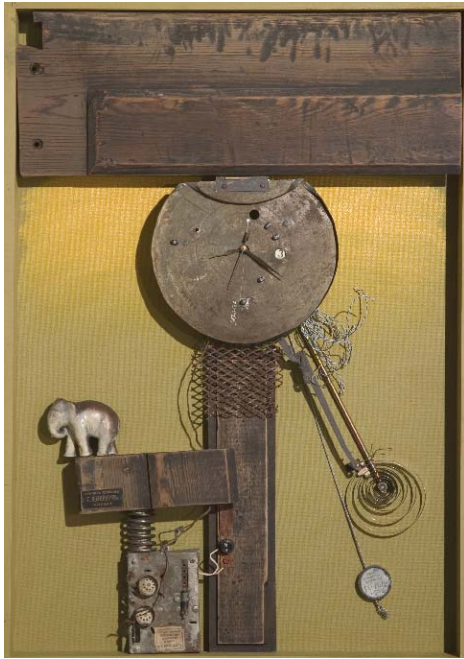

Времени нет

ливались, потом выкидывались. А чего хранить? Оно все равно никуда не ехало и только быстро пылилось. Потом я об этом совершенно забыл. Потом прошло 30 лет. Потом я все вспомнил.

«Простой инженер»

В советские времена от этих слов почему-то становилось грустно и кого-то жаль. Ну, понятно, маленькая зарплата. Как ни изобретай, а за границу с этим не поедешь. Или вот другая печаль: начальник не оценил... Впрочем, я ничего этого не знал. И этим самым простым инженером не был. Но слово нравилось. Еще больше нравилось: «инженер-технолог». Мне почему-то виделся Леонардо да Винчи. Технология. Вслушайтесь: тех-но-логия. Маленькие и большие шестеренки, аккуратно цепляясь одна за другую,

Время для прыжка

проворачиваются. Слышен тихий щелчок. Жужжание, удар молоточка. Пауза. Снова жужжание. Удар, снова. Может быть, я не повзрослел? Или все проще: я всегда испытывал жалость к вещам. К тем, которые больше не нужны. Не работают – вот и не нужны. Работали – были нужны, а перестали – на выброс. Разбили любимую чашку – выкинули драгоценные кусочки. Сломался штопор. Кому он теперь нужен? Швейную машинку или там холодильник, конечно, чинили. А вот эти маленькие – как легко от них избавиться! Проработала на тебя лампочка 2 года, освещала твою тусклую жизнь. Хлоп. Бац – в ведро. Но вот кто больше других был унижен и кому я всегда особенно сострадал, это часы. Вот кто без отдыха, без выходных, без перерыва – работал, работал, работал. Ни минуты покоя. Тик-так-тик-так-тик-так... и ведь годами. Часовые механизмы, которые делаю я, «не ходят». Нет, не сломались – просто не должны ходить. Они свободны. Они с самого рождения в моей мастерской свободны. Независимы. Не работают, значит, и не сломаются. Их любят и ценят просто так. Я, по крайней мере. Они – существа. СУЩЕСТВА. А я простой инженер-технолог. Кажется, все...

Когда задувает октябрь

В полет

